

Т. А. Бертагаев
К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С выходом в свет толковых и двуязычных словарей, довольно полно отразивших лексику монгольских языков, мы получили возможность заняться этимологическим изучением словарного состава монгольских языков, начатым Б.Я. Владимирцовым полвека тому назад.

Одним из важнейших принципов этимологического исследования является установление семантической и фонетической преемственности сравниваемых слов.

Известно, что преемственность во многих случаях сопровождается такой модификацией как семантики, так фонетического облика корневой основы этимологически родственных слов, что они на синхронном уровне нередко кажутся чуждыми друг другу, на первый взгляд не сопоставимыми. Таковыми, например, нам представляются бур. *айрхан* 'творог' и общемонг. *хайр* 'песок', бур. *үйрмэг* 'истлевшее', 'превратившееся в прах', 'порошок' и бур. *үй* 'множество', 'толпа', 'скопище' и др.

Но семантико-фонетические законы изменения слов убеждают нас в их этимологическом родстве. Об этом свидетельствует их общий корневой семантический знаменатель (этимон) и общий корень. Скрытую же связь значений можно выявить, опираясь на данные истории материальной и духовной культуры, а фонетическую – путем установления закономерностей изменения звуков в данном языке.

А все это может проявляться в виде сходства этимологической дистрибуции элементов анализируемых слов. *ай*/ *үй* — *айраг* ‘квашеное молоко’, ‘кумыс’.

Корневое слово *ай* чаще всего встречается в языке народного творчества монгольских племен в значениях «бесчисленное количество», «множество», «тьма тьмушая», а также в сочетании с *түмэн* ‘десять тысяч’, *ай түмэн адуутай* ‘бесчисленное множество лошадей (бур. табунов)’. Его абсолютный синоним представлен в виде лабиальной разновидности *үй* в идентичной дистрибуции: *үй түмэн адуутай*. Они часто замещают друг друга. Но значение ‘множество’ у них не первичное, а производное, подкрепленное словами, подобными *түмэн* ‘десятки тысяч’. Для того чтобы сочетаться со словами типа *түмэн* и приобрести значение «бесчисленное», слова *ай* (*үй*) должны были располагать смысловой основой, потенциально готовой породить приведенное выше производное значение.

Таким более первичным значением могло быть «что-то мелкое, мельчайшее»; «мелкие пылинки, частицы»; «труха», «порошок», «пыль» и т.д. [8], т.е. нечто, воспринимаемое как скопище, бесчисленное множество дробных единиц. И, действительно, производные глаголы от корневых слов *ай* и *үй* — бур., монг. *ай-ра-х* и *үй-рэ-х*, калм. *үй-р-х/орф.* *үү -р-х* (*-ра, -рэ* — суффиксы, образующие непереходные глаголы) соответственно означают ‘разрушаться’, ‘осыпаться’ (о чем-то мелком); ‘рассыпаться’ (на мелкие крупинки или частицы), ‘измельчаться’, ‘превращаться в прах, в пылинки и мелкую труху’ (о гнилом дереве и т.п.); ср. бур. *үйр-мэг* ‘порошок’; *үйр-мэг алтан* ‘золотой песок’; *үйр-гэй* ‘кромки’, ‘осколки’, ‘раскрошенный’, ‘раздробленный’, ‘сыпучий’ (о снеге); ср. калм. *үй-л-х* (орф. *үүлх* ‘раздробить’, ‘размельчить’ (калмыцкие примеры подсказаны мне Г.Ц. Пюрбеевым, научным сотрудником Института языкознания АН СССР).

К тому же слово *ай* в современном монгольском дает производные значения от первичного: «часть», «группа», «отдел» и т.п., соответственно, «в отдельности», «частями», «группами» и т.д. [7]. В последнее время *ай* стало употребляться в значениях «часть речи», «категория» и т.п.

От глагола *аирах* образованы в бурятском следующие слова: *ай-р-хай* 'раскрошенный', 'рассыпчатый', 'сыпучий', 'что-либо рассыпавшееся от сухости'; *айр-уул* 'сырки из творога', т.е. 'створоженный крупчатый молочный продукт'.

Нужно особо отметить, что того же происхождения и слово *ай-ра-г*, означающее у западных бурят «заквашенное рассыпчатое высушенное молоко», а у монголов и восточных бурят — «кумыс», иначе говоря «квашенное кобылье молоко», и как во всяком заквашенном молоке, и в кумысе имеются мелкие, рассыпчатые крупинки, створоженные частички. По этому признаку оно и получило наименование *айраг*.

Очевидно, того же корня *ай-маг* в значениях «группа», «поколение», «род», часть административной территории — «район»; линг. «раздел и отдельные области явлений, предметов», в современном монгольском «части речи»; ср. производный от него глагол бур. *аймаглах* 'разделять', 'группировать', 'собирать по группам и частям', 'районировать'. К ним же по всей вероятности по своему корневому элементу примыкает и *ай-л* в значениях 'группа семей юрт (домов), хозяйств', 'небольшая община' и т.д.

По чередованию *г* и *й* можно причислять к тому же корню монг. *аг-а-р-ца* → *аа-р-ц* -- род творога из кислого молока, бур. 'крупчатый осадок кислого молока (*хүрэнэ*) после варки' (из которого готовят напиток, настояв его на кипяченой воде).

В тюркских языках имеется глагол *ауір-* 'разделить', 'разъединить', 'разделиться', 'лишить чего-нибудь', 'избавить', осм. *агх* 'расходиться в разные стороны' и др.; этот глагол схож с упомянутым выше монгольским *айра-х*, и производные от осм. *аир:* *аг-р-ы* 'разделенный', 'отделенный', 'раздвоенный', 'ветвь, разделившаяся вилообразно' и др., в том числе *аир-ык* 'маленький ручеек, раздвоенный, деленый' и тому подобные образования [4].
Одного с ним корня, судя по монгольскому материалу, и *айран* 'питье из кислого квашеного молока'. Но в отличие от монгольских образований у них отсутствует первичная **корневая** основа *ай* 'скопище мелких частиц'.

Близкие значения находим в словах с корнем *хүй*, отличающимися от *үй* только инициальным согласным *х//к*, нередко возникающим перед начальным гласным монгольских слов. Бур. *хүй* 'толпа', 'куча', 'скопище' (*үй* 'бесчисленное множество', 'множество', монг. *хүй* 'род', 'поколение' в значении «коллектив», 'скопище людей' (китайское *хүй* 'общество' — случайное совпадение), монг., бур. *хүй-лэ-х(э)* 'собираться стаями в одно место', бур. 'сकुчиваться', 'толпиться'; *хүй-р-мэи* 'россыпь' (осадочных пород), 'куча щебня'; ср. калм. *күі-р-х* (орф. *күүрх*) 'дробиться', 'размельчаться', 'разбиваться на мелкие кусочки', бур. *хүй-р* 'моль' (т.е. 'превращающий в россыпь, в крохи; делающий пыль'), с переходом дифтонга *үй* в долгий гласный *үү* появляется монг. *хүү-р-э-и* 'хрупкий', 'легко крошащийся' (ср. монг. *үйрмэи//үүрмэи* 'рассыпчатый'), *хүү-р-э-х* 'разрываться', 'отрываться лоскутом', монг. *хүү-лэ-х* 'разрывать', 'отрывать клочок, лоскут'; бур. *хүү-р-хэй* 'ломкий', 'хрупкий', 'продырявленный', 'пробитый', бур. диал. *хүү-р-гэ-дэ-һэн* 'пепел' (напр. из трубки курительной), бур., монг. *хүү-р* 'прах', 'труп'. По линии чередования передних и заднеязычных гласных к словам этого же корня примыкает общемонг. *хуу-р-а-х(а)* 'шелушиться', 'облущиваться', 'отдираться' и т.д. [его каузативная разновидность *хуу-л-а-х(а)*], возможно, и *хуу-р-ай* 'напильник', т.е. 'напиливающий в порошок'; бур. *хуу-р-гэй* 'шелушение'. Наконец, монг. *хүй-л-а-х* 'накапливать', 'собирать' — *хүй* в биноме *хурал хүй* 'сборище', 'собрание' и т.д. [7].

Близкими значениями обладает и его акцентная разновидность: монг. *хай* (ср. *ай*) 'частица чего-либо' (целого, единого) — 'знакомый', ср. выражение *хай хайгаа татах* 'знакомый тянет знакомого' (букв. 'частица тянет частицу'), монг. *хайл(а)* 'обрезать', 'подрезать', 'обтесывать', бур. *хай-да-һан* 'обрезки'; *хай-р* монг., бур. 'галька', 'щебень'; бур. диал. 'песок'; монг. *хай-р-га* 'мелкий гравий', *хай-р-с* 'чешуя' и др.

Тог-//төг- → төөрөг 'удача', 'судьба' — 'круг'.

Слово *төө-р-ө-г* (← *төг-р-ө-г*) в монгольском и бурятском означает 'счастье', 'удача', 'судьба', 'предопределение', 'жребий'. Все эти значения связаны одним стержневым значением

«счастье данное, а не добытое». В этом заключается суть проникновения в этимологическое значение этого слова: «счастье может быть предопределено божеством или же силой, независимой от того человека, которому оно предназначено». Если мы начнем этимологические изыскания приведенного слова с этой стороны, то натолкнемся на один весьма любопытный этнографический сюжет, который может нам подсказать ход развития значений в интересующем нас слове. Шаманисты, в частности западные буряты, во время общественных жертвоприношений своим местным божествам, или эжинам (владыкам) и старцам данного округа, после разбрызгивания архи (архи – вид алкогольного напитка наподобие вина, выгнанного из кислого молока) бросают деревянную чашку (круглой формы), в которой находилось архивино, так, чтобы она вращалась вокруг своей оси во время полета и при этом восклицают: «төөрөг!», что означает ‘пусть вращается, пусть кружится’. Чашка должна при этом вращаться «по солнцу». (Круг и окружность для шаманов имели магическое значение.) При таком вращении имеются шансы на то, что чаша упадет правильно, не опрокинувшись, т.е. ляжет на дно [3, 195].

Если чаша упадет на дно, это означает, что божество приняло жертву молящегося, что оно будет относиться к нему благосклонно, и ему будет предназначено благополучие в семье, в хозяйстве и в жизни. Он поднимает чашу, молится, затем срывает клочок травы с того места, где так удачно приземлилась чаша, и затыкает эту траву с правой стороны за пояс в знак получения божественного знамения.

Весь этот процесс называется *төөрөг*. Следовательно, восклицание *төөрөг* ‘Пусть кружится!’, ‘Пусть вращается!’ приобретает новое значение – обозначение всего ритуала с чашей.

Этот обряд напоминает игру в орлянку: если чаша опрокинется и упадет дном кверху, то божество отнеслось к данному лицу неблагоприятно, и оно будет считать, что ему не повезло – *төөрөг муу байгаа*, или *төөрөггүй байгаа* ‘тоорог был плохой’, или ‘оказался я без тоорог’. Это лицо будет искать своего божественного покровителя, и, обратившись к шаману, принесет

жертву своему покровителю, и на этом она может успокоиться. Удачное падение чаши породило выражение: *төөрөг абааб*, *төөрөгтэй болооб* 'получил свой тоорог', 'стал с тоорогом' или же *бурхан хаан төөрөг абааб* 'получил от бога свой тоорог'. Таким образом, слово *төөрөг* стало употребляться и в новом значении: «удача», «счастье» и «предопределенное благополучие», отсюда не так далеко до значений «судьба», «рок» и «жребий». В современных монгольских литературных языках первичные значения утрачены, сохранились даже не вторичные, а третичные значения: «рок», «судьба».

Слово *төөрөг* глагольного происхождения, имеет общий корень со словом бур. *төөрихө*, монг. *төөрөх*, означавшим вначале 'кружиться на одном месте', а в современном языке — 'блуждать', 'плутать' (заблудившийся человек обычно кружится на одном и том же месте).

Глагол *төөрөх*, в старописьменном *төгөрихү*, таким образом, утратил первичное значение и бытует в современных языках во вторичных значениях, а производный от него глагол ст. письм. монг. *төгөригдэх* 'приходить в беспорядок, в смятение и т.д.' имеет уже третичное значение. Первоначальное значение сохранилось в следующих производных его образованиях: ср. ст. письм. монг. *төгөрилгэхү* 'делать круглым', 'окружать', 'округлять' от *төгөриг* 'круг', 'кружок', 'круглый' (→ 'остов дуги лука', еще не оклеенного роговыми пластинками), монг. *төг-рө-г* ~ бур. *төх-ө-рө-г* 'круглая серебряная монета' (→ бур. 'рубль', монг. 'тугрик' (денежная единица)).

Чередование *г* с *ж* дает корневую основу *той-* в монгольских словах: *той-ро-х* 'окружать', монг. *той-ро-г* 'окружность', 'округа', 'орбита'; перен. *той-м* 'обзор', 'обозрение', монг. *той-г*, бур. *той-н* 'коленная чашечка' (круглая по форме); *той-мо-г* 'комоль' (округлый); монг. *той* 'свадебный пир' (на котором сидят, образуя круг) и т.д.

К этому ряду относятся и бур, диал., монг. *тоо-но* 'круглое отверстие в крыше юрты для дыма и света' → бур. лит. 'крышка для закрытия отверстия в юрте'; бур. диал. *тоо-м-то* ~ бур. лит.

тоо-н-то 'место для закапывания материнского последа' (прежде чем закапывать, чертят круг) → 'место рождения', наконец, *тоо-оо-(н)* 'котел' (в виде полушария) и т.д.

Ср. бур. *төө-рэ-бшө* ~ *төө-рө-бшө* ~ *той-ро-бшо* 'круглая конусообразная шапка с загнутыми вверх и пришитыми краями', а в западных диалектах *төө-рэ-бшэ малгай* 'женская круглая шапка с плоским верхом', зап. бур. *төө-р-сэ-г* 'круглая низенькая посуда, в которой отстаивают молоко' монг. *тоо-р-цо-г* 'ермолка', 'цветочная чашечка', *тоорцог хэнгэрэг* — род барабана круглого. Чередование гласных и дифтонгоида *төө-р* ~ *тоо-р* ~ *той-р* дает глагол *той-ро-х* 'окружать', 'обходить' и производные от него *тойруу* 'окружной'; *тойрон* 'вокруг'; 'окрестности', 'округ'; *тойрог* 'окружность', 'орбита', 'округ' и др.

Первичное значение слова *төөрөг* 'пусть кружится, вращается', 'круг' подтверждается рядом родственных корневых слов с разными чередующимися звуками: со звонким зубным согласным и с узким лабиальным переднего ряда *дуг-рэ-г* 'круг', 'что-либо круглое'; а с заднеязычным лабиальным гласным *дуг-а-ри-г* 'круглый', 'круг', 'окружность'; монг. *дуг-а-раа*, бур. *дуг-а-р'ай* 'круговая чаша'; монг. *дуг-уй* 'круг', 'колесо' → *дуг-уй-лан* 'кружок', *дуг-уй-ра-х* 'образовать круг' и т.д.

Он 'год' и *онгон* 'первооснова', 'первозданность', 'дух'. Слово *он* 'год' в современных монгольских языках — однозначное слово, в то же время оно является корневым, варьируемым фонетически в отдельных монгольских языках КНР и древнемонгольском языке, где появляется инициальная придыхательная согласная *х* и *h*: *хон* и *hon*.

Однако в ряде диалектов, в частности бурятского языка, оно не осмысливается в значении «год», то есть отрезка времени в двенадцать месяцев, как, например, его синоним *жил* или *јил* 'год'. Скорее всего в диалектах он — некое начало какого-либо отрезка времени, имеющее отношение к хозяйству или хозяйственной деятельности. В разговорной бытовой речи, в диалектах, слово он имеет очень ограниченную валентность и встречается чаще всего, например, в выражении: *модоо јилдэ адаһантай хэр ондо орово?*

‘Как в этом году скот ваш вступил в «он»?’ Очевидно, имеется в виду вступление после зимнего и ранневесеннего периода в новый, весенний сезон. Сочетание *онд орох* встречается и в монгольском языке. Наряду с этим находим его в составе сложных бурятских диалектных слов *нодендо*, *ножиндо* ‘в прошлом году’, *уржанда* ‘в позапрошлом году’ и т.д., а также в парном синонимическом сочетании *он жил* ‘год’.

Оно же, очевидно, употребляется в сочетаниях: монг. *он тусам* в значениях ‘расстояние полета стрелы по горизонтали и по вертикали’ (у. Цэвэл’а – *харвалга хүрэм газар*; *дээш оргон харвасан сумны хүрэм газар*), а также ‘мера измерения дальности расстояния’; в монгольском сочетании *он тавил* идентично выражению *шав тавил* ‘расставлять меты (знаки) для установления предела своего участка или усадьбы, где будет размещена юрта’.

Слово *он*, таким образом, употребительно также в значении ‘отрезок’, как во времени, так и в пространственном смысле.

Укажем еще на одно окружение, которое выводит значение слова как бы за пределы семантической сферы, приведенной нами выше.

В монгольском бытовом языке существует такой номинант-сочетание с определяющим словом *он*: *он цаг*, что означает по Цэвэл’у *өвөл хаврын хатуу цаг* ‘трудное время зимы и весны’; *он цагт тарган оров уу* букв. ‘в трудное время (скот) упитанным вступил’ – выражение, равное вежливому обращению к собеседнику: ‘благополучно ли живете?’

Значит, со словом *он* ассоциируется представление и о самом трудном, исключительно тяжелом отрезке времени.

Антонимом *он* в этом значении является вариант его в переднеязычной губной огласовке *он*, означающий ‘обильное кормами время’ («зима с кормами, лето без засухи»).

Разновидностью *он* при чередовании конечного носового *н* и среднеязычного *й* является *ой* ‘годовщина’, точнее в монгольском ‘начало или дата наступления нового отрезка времени’. В бурятских диалектах *һуй//һүй* – *һуй-н-доо* или *һүй-н-дөө хүрхэ* имеет значение ‘достигнуть одного года со дня рождения с ини-

циальным придыхательным согласным *h* и узким гласным *у* и *ү*. (В литературном бурятском *ой* заимствовано из монгольского языка.) В представлении бурят *һуһ*, вернее, *һуһ-н-д-оо* в форме омертвевшего датива на *-д* с возвратной частицей *-оо* (в ином виде не наблюдается), только и означает 'годовой возраст' или 'возраст грудного ребенка', или 'начало жизненного пути', 'первооснова'. Вообще-то и *он* имеет значение 'первоначальный отрезок времени', 'первооснова'. А его значение «меры последовательно проходящего времени или летосчисления» более позднего происхождения, судя хотя бы по тому, что в маргинальных говорах бурятского языка оно лишено такого смысла.

Следовательно, слово *он* и его семантическое поле осмысливается в понятиях «первичность», «начало», «первооснова какого-то отрезка времени», отсюда впоследствии «кусочек времени, в течение которого содержится скот», «сезон» → «год». И нам представляется, что корневая основа его заложена в слове монг. *он* *-ин* → совр. монг. *онь* в значении 'начало', 'первооснова времени', 'первоначальное время' (*анх үе у Цэвэл*'а), или 'начало какого-либо действия': *хөдлөхийн онин дээрэ* 'в начале движения'. Далее находим ее в слове *он^н-и-со* 'первооснова чего-либо', 'начало чего-либо', 'сущность', 'суть' и т.д. *ь юуны өмнө аливаа үзэгдлийн оньсыг олох хэрэгтэй* 'прежде всего найти первооснову (сущность) всякого явления'; затем уже прослеживается значение 'сущность предмета, его первооснова' → 'механизм чего-либо' → 'пружина' → 'затвор' → 'загадка' в деривативе *он-и-со-га*, совр. монг. *он-с-го*. И во всех производных образованиях от *онь* и *оньсго*. В явном родстве с ним и монг. *он-ч* 'суть', 'сущность', 'смысл'.

Несомненно, *он-* лежит в основе монг. *он-ц-гой*, бур. *он-со-гой* 'единственный', 'одионый'; бур. *онсогой модон* 'дереводионочка' (в степи); 'отдельный', 'особенный', 'исключительный' в силу единичности' и в совр. монг. *он-ц*, бур. *он-со* 'особый', 'обособленный', 'особенный', 'отличный', 'выделяющийся' и т.д. Ср. *онцгойрох* 'уединяться', 'обособляться', 'выделяться', *онцгойдох* 'оказываться слишком уединенным' и т.д.

Примыкает к ним и *он-о-вч* 'определенность', 'обособленность', 'единичность', 'конкретность', 'целесообразность', 'благоразумие' и т.д.

По акающей огласовке сюда же относится и *ан-х* 'сперва', 'вначале'. Можно усматривать присутствие *он* даже в акающем варианте с инициальным заднеязычным придыхательным звонким *г* в слове *г-ан-ц* 'единственный', 'одинокий'.

Итак, семантическое окружение (дистрибуция) корневого слова *он* — значения 'первооснова', 'первоначало', 'начало', 'первичная сущность' и т.д.

А это нас подводит к многозначному и важному в религиозных и иных представлениях монгольских племен слову *он-гон*. Слово это вначале означало 'первичный', 'первоначальный', 'первозданный', 'девственный', 'нетронутый'; эти значения действительны и в современном монгольском языке. Ср. бур. *онгон хирбээ дайда* (фольк.) 'первозданная девственная природа'; монг. *онгон тал* 'девственная нетронутая степь'; монг. *онгон үс*, бур. *онгон үһэн* 'седые волосы от рождения, от природы, с самого начала'; монг. *онгон дэл* 'нетронутая нестриженная грива у лошадей', бур. диал. *онгон хайхан дайдам* 'прекрасная первозданная моя земля' и т.д. Ср. с ним калм. *ун-г* 'начало', 'исток', 'корень', 'изначальный', 'первозданный'; 'род', 'поколение'. Все первичное, первозданное, или первооснова, почиталось предками монгольских племен, и потому они были священными — монг. *онгон уул* 'священная гора'. Здесь, вероятно, более позднее осмысление в связи с эдзенами или эджинами, владыками гор. Слово *онгон* в значении 'первооснова', 'первичность', затем в значении 'предок', т.е. 'первооснова происхождения человека' существовало в самой глубокой древности (не говоря об *он*), что доказывается тем, что слово *онгон* было связано с религиозно-мистическими представлениями монголов и обозначало животного тотема-предка [2, 138].

У западных бурят и некоторых других монгольских племен существует почитание козла, быка, коня, медведя как онгонов, т.е. предков-животных: *тэхэ онгон* 'козел онгон', *үхэр онгон*

‘бык онгон’, морин онгон ‘конь онгон’ [3, 185], баабгай онгон ‘медведь онгон’ и др.

Не следует смешивать с *онгон тэхэ*, *онгон морин* и др. Это позднейшее явление — ‘козел, конь, посвященный онгону’ (об этом пойдет речь ниже).

Почитание матери, ее первородства, впоследствии отца со временем трансформировалось в культ духов предков. Как правильно отмечает Д. Банзаров, «первоначальное простое почтение к предкам подвергалось искажению и породило онгонов» [1, 83]. Так возникло представление о духе предков, особенно о духе предков-шаманов и разных заянов (ангелов, святых), порожденных шаманистической мифологией. Таким образом, в слове *онгон* возобладало значение «дух предка-шамана или заяны», и оно стало идентичным значению слова «дух».

В его семантическое поле входят производные от него или тем или иным способом связанные с ним значения. Посвящаются духу животные (это известно уже со времен Чингисхана): козы, кони, быки, а также рабы; *онгон боол* [5, 166-173], *онгон тэхэ* ‘онгон коза’, *онгон морин* ‘онгон конь’, *онгон үхэр* ‘онгон бык’. У бурят и у монголов, очевидно, было животное, посвященное духу. Это животное становилось священным, неприкосновенным, пользовалось полной свободой и доживало до естественной смерти. Труп животного, чаще всего коня, поднимали на помост, специально устроенный для захоронения. Вероятно, и онгон-раб пользовался полной свободой, был неприкосновенным.

Теперь уже дух-онгон, отторгнутый от материального тела, функционировал самостоятельно, почитался как божество, этот дух мог быть призываем и мог воплотиться временно в живого шамана для того, чтобы предсказывать судьбу людей и предвидеть их будущую жизнь. Это называлось *огно оруулаха* ‘заставить дух войти в шамана’; с этой целью старики во главе с шаманом совершали обряд *дуудалга* ‘клич, призыв (духа)’. Шаман с тростью ходил взад-вперед в сопровождении хора стариков, призывая духа, постепенно он приходил в экстаз, вдруг падал плашмя, и это означало, что дух, внемля призыву, вошел в шамана, последнего поднимали и начиналось камлание.

И наконец, буряты рисовали схематически, условно в виде разных человеческих фигур духов-онгонов, и эти рисунки вкладывали в специальные деревянные ящички, помещенные в выдолбленных столбах, или подвешивали ящички под потолком юрты, амбара и навеса. И это изображение, которое можно сопоставить со славянским идолом, тоже называлось «онгон» [6].

Такова история развития значений слова *онгон*.

Литература

1. Банзаров Д., Собрание сочинений, М., 1955.
2. Зеленин Д.К., Культ онгонов в Сибири, М.-Л., 1936.
3. Манжигеев И.М., Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960.
4. Радлов В.В., Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893.
5. Рыгдылон Э.Р., О монгольском термине онгу-богол, — «Филология и история монгольских народов», М., 1958.
6. Хангалов М.Н., Собрание сочинений, т. I, Улан-Удэ, 1959.
7. Цэвэл Я., Монгол хэлний товч тайлбар толь, Улаанбаатар, 1966.
8. Черемисов К.М., Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951.